

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВО (ДО ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД)

Р.З. Абдулгазиев

Ставропольский государственный университет

Дается ретроспективный обзор норм уголовного законодательства России об ответственности за вымогательство, выявляются закономерности их развития.

In this article is given retrospective review of rates of criminal legislation of Russia on responsibility for the extortion, are revealed regularities of their development.

На первоначальном этапе своего развития вымогательство было известно римскому праву, где существовало в нескольких видах: *crimen metus* – психическое принуждение к сделке, *concussio publica* – вымогательство должностного лица, и *concussio privata* – вымогательство посредством ложного судебного обвинения [1,2]. Последний вид римского *concussio*, по мнению ученых, послужил основой для формирования признаков вымогательства в уголовном законодательстве России (Корягина О.В., 1998).

Регулирование ответственности за вымогательство в России началось с Судебника 1497 года. И хотя среди источников данного акта римское право не упоминается, рецепция *concussio privata* была возможна на уровне судебной практики и обычного права, из которых предположительно возникло большинство норм первого общероссийского Судебника [3].

Уголовно–правовые нормы Судебника не содержали какого–либо описания преступных деяний, их признаки усматриваются лишь посредством толкования специфических терминов. В нашем случае это «ябедничество». Согласно ст.8 и 39 Судебника, ябедничество наряду с кражей («татьбой»), разбоем, убийством («душегубством») наказывалось смертной казнью, штрафом («продажей») и имущественным взысканием в пользу истца. В вопросе о значении слова «ябедничество» мнения исследователей расходятся. Комментаторы Судебника в издании «Российское законодательство X–XX веков» трактуют ябедничество как ложный донос, клевету, имевшую целью обвинить в преступлении невиновного [4]. С.И. Штамм, придерживаясь аналогичного мнения, добавляет, однако, что ложное обвинение невиновного совершается «с тем, чтобы воспользоваться его имуществом» [5]. В официальном переводе ябедничество выглядит как злостная клевета с целью вымогательства [6]. Авторы комментированного издания Судебника подтверждают вымогательскую сущность ябедничества данными, извлекаемыми из сочинений М. Грека и И.С. Пересветова. По их свидетельству, ябедники подбрасывали в богатый двор тело мертвого человека («... на

имущих имение,... да мертвого человека труп привлечшим...», «... до того мертвого человека рогатиною исколовши, или саблею изсекши, да кровию измажут, да богатого человека в дом подкинут...») и обвиняли жителей данного двора в убийстве. Выгода достигалась путем получения через суд имущества ложно обвиненных и осужденных («... да яко праведно бытто мстители убитаго извет имут не едину улицу, но всю ону часть града истязати об убийстве оном и сребро много себе собирати от сицевых корыстований неправедных и богомерских», «... да исца ему ябедника поставят, который бога ни мала не знает, да осудивши его неправым судом, да подворье его и богатство соудом разграбят») [7].

Как видно, способом вымогательства на Руси первоначально было использование в собственных целях государственной власти, силы государственного принуждения, судебного процесса. Вымогательство носило выраженный характер «отягания», «имущественного приобретения». Представляется, что именно в таком виде, а не как злостная клевета, ябедничество могло быть приравнено в Судебнике к краже, разбою и убийству с наказанием в виде смертной казни.

Нормы об ответственности за ябедничество практически без изменений перешли в Судебники 1550г. (ст.59) и 1589г. (ст.113). Статья 72 Судебника 1550г. и ст.129 Судебника 1589г. рассматривали в качестве разновидности ябедничества – предъявление необоснованно завышенных требований («кто взыщет много не по животом, ... ино его обвинити в ябедничестве») [8]. Распространенное в сфере гражданского процесса оно, однако, по-прежнему представляло собой не что иное, как вымогательство посредством ложного судебного обвинения. Об изменившемся образе действия средневекового вымогателя свидетельствует лишь Приговор о лжесвидетельстве и ложных исках от 12 марта 1582 года: ябедники «бьют челом ябедою в великих исках, а мирятся на малом, потому что в жалобнице писал иск не по делу» [9]. Фактически в статьях Приговора впервые идет речь о вымогательстве с угрозой. В дальнейшем «вымогательство с угрозой» получило пространное описание в Соборном Уложении 1649г.

Соборное Уложение не содержит ни единого понятия вымогательства, ни самого термина «вымогательство», но уже выделяет существенные признаки этого преступления: корыстную направленность, принуждение и его способы. Многие исследователи отмечают сильное влияние, которое оказало на Уложение римское право [10]. Однако, как указывалось выше, это влияние уже было опосредовано нормами Судебников.

Ответственность за вымогательство в Уложении устанавливалась статьями 186–188, 251–253. Эти статьи располагались в главе X «О суде», содержавшей

многочисленные нормы материального и процессуального права различной отраслевой принадлежности.

Статьи 186–188 предусматривали простое и квалифицированное вымогательство путем предъявления ложного обвинения, «поклепного иска». При этом речь шла не о реальном судебном обвинении («отягании» таким путем имущества невинно осужденного [11]), а лишь об обращении в суд с ложным иском. Получив, «что небольшое» с ответчика, «не ходя на суд», виновный отказывался от дальнейшего ведения дела. В условиях волокиты и взяточничества, которые имели место в суде XVII века, сам факт предъявления иска мог грозить ответчику, даже не в чем неповинному, большими осложнениями и убытками. Поэтому ему выгоднее было откупиться от вымогателя, чем доказывать в суде свою правоту [12]. К тому же, в конечном счете, опасность вымогательской угрозы обуславливалась возможностью привлечения невинного к ответственности, вследствие чего угроза продолжения судебной тяжбы по ложному иску была действенным средством вымогательского принуждения. Иски, «несоразмерные с животом ищущих», были широко распространены и выступали обыденным явлением рассматриваемого периода. Видимо, по этой причине Уложение предусматривало квалифицированные виды вымогательства путем предъявления «поклепного» иска: первый и второй рецидивы влекли усиление ответственности и наказания.

Следующим составом преступления, требующим рассмотрения в числе вымогательских деяний, было принуждение к заключению сделки (ст. 251–253 Уложения). Принуждение выступало способом нарушения правил оформления «крепостей» и заключалось в том, что виновный, вступив в сговор с «площадным подьячим» (лицом, ответственным за оформление «крепостей»), изготавливал «на кого в большом долгу» заемную кабалу или «иную какую крепость» и принуждал потерпевшего к ее подписи или к написанию такой кабалы «своей рукой неволею». Подьячим, уличенным в таком деянии, полагалось более суровое наказание в связи с тем, что они рассматривались как официальные лица. Заслуживает внимания указание на то, что принуждение совершалось «умысля воровски». На наш взгляд, оно свидетельствовало о корыстной направленности деяния: в большинстве случаев Уложение называет воровством корыстное либо корыстно–насильственное преступление (кражу, грабеж, разбой) [13].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года термин «вымогательство» уже фигурировал, но он относился исключительно к преступлению против службы государственной и общественной (раздел 5, глава 6 «О мздоимстве и

лихоимстве»): ст.377 Уложения называла вымогательство высшей степенью лихоимства (взяточничества) и содержала казуистические определения его разновидностей.

В научных разработках того времени сущность вымогательства исследовалась на базе не ст.377, а ряда других норм закона: ст.1545 – 1546 (о «вымогательной» угрозе), 1686–1687 (о принуждении к даче обязательств). Должностное вымогательство либо вообще не принималось в расчет при исследованиях вымогательства в качестве имущественного преступления, либо рассматривалось как разновидность вымогательства по Уложению о наказаниях [14]. Таким образом, употреблению соответствующего термина в ст.377 не придавалось исходного значения.

Угрозы, предусмотренные статьями 1545 и 1546, относились к преступлениям против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц (раздел 10, глава 8 «Об угрозах»). Они имели конкретное содержание (лишение жизни, поджог (ст. 1545), насильственные действия (1546)) и наказывались, когда к ним было присоединено требование «выдать или положить в назначенное для того место сумму денег или вещь, или письменный акт, или что иное, или же принять на себя какие–либо невыгодные обязательства, или отказаться от какого–либо законного права». Как видно и угроза, и требование характеризовались с точки зрения их содержания при помощи свойственных Уложению казуистических формулировок. В целом данное преступление получило в науке название «вымогательная угроза» или «угроза с вымогательством» (И.Я. Фойницкий, Л.С. Белогриц–Котляревский, П.П. Пусторослев, Н.А. Неклюдов, А.Н. Круглевский и др.).

В вопросе о том, является ли вымогательная угроза по Уложению преступлением исключительно имущественным, мнения исследователей расходились. И.Я. Фойницкий считал, что «предметом ея может быть, с одной стороны, ... имущество как вещь, с другой – и всякое вообще право имущественное или неимущественное. Корыстное намерение – ея обыкновенный, но не непременно признак ...; на практике под действие ст.1545 был отнесен случай угрозы поджечь фабрику, если не будут уволены некоторые из служащих на фабрике» [14]. Напротив, другие ученые полагали, что угроза с вымогательством должна иметь целью, непременно, имущественный интерес. Толкование Сената (также Фойницкого), включающего сюда и неимущественные интересы, опирается более на букву закона, чем на его внутренний смысл, а потому и должно быть признано неправильным [15]. На корыстную цель преступления косвенно указывали ст.ст.139–141 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Они предусматривали ответственность за угрозы аналогичного содержания без присоединения к ним требования и уточняли, что виновный «не имеет корыстной или другой преступной цели».

Другим законодательным основанием понятия вымогательства были нормы Уложения о принуждении к даче обязательств. Соответствующие статьи (1686 и 1687) располагались в разделе 12 «О преступлениях и проступках против собственности частных лиц», в главе 5 «О преступлениях и проступках по договорам и другим обязательствам». Статья 1686 следующим образом фиксировала признаки принуждения: «Кто силою или угрозами заставит кого–либо написать, выдать или подписать какое–либо на себя обязательство, или, напротив, истребить акт, служащий доказательством его права на собственность какого–либо рода, или согласиться на какую–либо невыгодную для него сделку по имуществу, или на отречение от какого–либо права или иска, или же на иное такое невыгодное условие...». В статье 1687 предусматривался квалифицированный вид деяния, когда оно «было сопровождается побоями или иными истязаниями или жестокостями, или лишением свободы, или же при оном подвергались опасности жизнь или здоровье принуждаемого лица». Наказание за квалифицированное принуждение определялось как за разбой.

Отличительной чертой данного вида вымогательства Л.С. Белогриц–Котляревский считал то, что здесь преступное намерение осуществляется через воздействие на письменные акты, как удостоверения имущественных прав; они составляются, видоизменяются и уничтожаются потерпевшим под давлением насилия и угроз [16]. Впрочем, имелось и более широкое толкование закона: выражение «согласиться на какую–либо невыгодную для кого сделку по имуществу» указывает прямо, что закон не требует, чтобы это согласие было облечено в письменный акт. На сем основании было бы принуждением заставление купить, продать, сделать обмен и т.п. [17].

В теории уголовного права в целом признавалась имущественная природа данного деяния, исходя из его характеристических признаков, системного расположения. Отсутствие указания на корыстную цель рассматривалось как пробел права. Но возникал весьма важный вопрос применительно к угрозе: спрашивалось, о каких угрозах упоминала статья, только ли об угрозах, которые наказуемы сами по себе, или о всяких вообще угрозах, способных вызвать страх и подчинить угрожаемого воле угрожавшего? Сенат решил данный вопрос в последнем смысле, что дало ему возможность в позднейшей своей практике подвести под ст.1686 и шантаж.

Такое толкование закона было критически воспринято в литературе. По мнению С.В. Поз-нышева, «как устанавливающая признаки преступного деяния, – притом, довольно тяжело наказуемого – ст.1686 не может подлежать распространительному толкованию. Принимая во внимание позицию законодателя относительно признания преступными тех или иных угроз, в рассматриваемой статье под угрозами следует

понимать поэтому лишь преступные угрозы, т.е. такие угрозы, которые наказуемы сами по себе» [18,19].

Момент окончания рассмотренных видов вымогательства связывался большинством авторов с фактическим завладением имуществом [20,21,22], с подписанием документа, содержащего имущественное обязательство [23]. Особую в то время позицию занял А. Щипилло, вымогательство он считал оконченным с момента окончания угрозы (когда она дошла по назначению), без действительного перехода имущества или права на него к виновному [24]. Близки к этому мнению были И.Я. Фойницкий [14] и А.В. Лохвицкий [25]. Сторонники первой точки зрения считали совершение угрозы покушением на вымогательство, которое по Уложению было наказуемо. Очевидно, такое различие во взглядах было вызвано несовпадением законодательных конструкций обоих видов вымогательства. Так, Н.А. Неклюдов выводил момент окончания вымогательства лишь из его имущественного свойства, замечая, однако, что «по букве статей 1545 и 1546 угроза с вымогательством почитается оконченным посягательством, коль скоро угроза дошла по назначению, хотя бы она и не произвела желанного действия» [26].

Таким образом, рассмотренные статьи Уложения о наказаниях в целом восприняли от Соборного Уложения описание вымогательства через два его вида: «чисто» имущественное вымогательство и принуждение к даче обязательств. Самым существенным новшеством было закрепление угрозы в качестве способа вымогательского воздействия. Но, Уложение, несмотря на трехкратное обновление редакции (в 1857, 1866 и 1885г.г.), все еще оставалось казуистичным, консервативным и противоречивым законом. В этой связи характерным и актуальным для нашего исследования является высказывание И.Я. Фойницкого: «В нашем действующем законодательстве ... отдельные виды вымогательства не согласованы между собой, ни с системою имущественных посягательств вообще, построены по различным основаниям и представляют картину весьма пеструю. Она притом полна пробелов» [27].

Следующий этап в развитии норм о вымогательстве связан с Уголовным Уложением 1903 года. Уложение впервые создало единое понятие вымогательства, вобравшее в себя признаки вымогательных угроз и принуждения к даче обязательств, и установило ответственность за шантаж. Ст.590, входившая в главу 32 «О воровстве, разбое и вымогательстве», понимала под вымогательством: принуждение с целью доставить себе или другому имущественную выгоду к уступке права по имуществу или к вступлению в иную невыгодную сделку по имуществу посредством телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы.

В отдельных статьях содержалась развернутая и дифференцированная характеристика средств вымогательского принуждения. В частности, насилие выделялось из области телесных повреждений и отличалось от последних тем, что не расстраивало здоровья; телесные повреждения классифицировались по новому основанию (в зависимости от вреда жизни, здоровью пострадавшего) на легкие, тяжкие и весьма тяжкие; были закреплены некоторые признаки угрозы – умышленность и реальность («если такая угроза могла вызвать у угрожаемого опасение ее осуществления»); само определение угрозы стало полнее и шире, обнимает и случаи, когда угрожают совершить известное посягательство на члена семьи угрожаемого, когда угрожают не только поджогом, но и взрывом или потоплением имущества.

Были сформулированы квалифицированные виды вымогательства, когда оно совершалось:

1) посредством весьма тяжкого или тяжкого телесного повреждения; 2) несколькими лицами, вторгшимися для этого в обитаемое здание или иное помещение; 3) лицом, запасшимся оружием или орудием для нападения или защиты; 4) шайкою; 5) лицом, отбывшим не менее 3 раз наказание за воровство, разбой, вымогательство или мошенничество и притом до истечения 5 лет со дня отбытия наказания за одно из этих преступных деяний. Данные обстоятельства в основном были идентичны тем, которые отягчали ответственность за разбой.

Шантаж также получил четкое понятие в Уголовном Уложении. Ответственность за него была установлена впервые. Во время действия прежнего Уложения практика, как указывалось выше, подводила его то под постановления о мошенничестве, тот под ст.1686 Уложения о наказаниях. Но в шантаже нет обмана, а с другой стороны, шантаж может представлять не принуждение к даче обязательства, предусмотренного ст.1686, а принуждение к даче денег или вещей, причем угроза шантажа не есть угроза в смысле указанной статьи.

Новое Уложение предусмотрело шантаж в главе 34 «О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу». Согласно ст.615, шантаж есть побуждение с целью доставить себе или другому лицу имущественную выгоду, к передаче имущества или к уступке права по имуществу, или к вступлению в иную невыгодную, по имуществу сделку посредством угрозы оглашения вымышленных или истинных сведений: 1) об обстоятельствах, позорящих честь потерпевшего или члена его семьи, хотя бы и умершего; 2) об учинении потерпевшим или членом его семьи, хотя бы и умершим, деяния, наказуемого как тяжкое преступление или преступление; 3) об обстоятельстве, подрывающем торговый кредит потерпевшего.

Шантаж квалифицировался, если он был совершен: 1) шайкою; 2) лицом, отбывшим не менее двух раз наказание за такое деяние или за воровство, разбой, вымогательство или мошенничество и притом до истечения 5 лет со дня отбытия наказания за одно из этих преступлений; 3) редактором, издателем или сотрудником повременного издания, грозившим огласить указанные выше сведения в печати.

Помещая статьи о вымогательстве и шантаже в отдельные главы, составители Уложения исходили из того, что «шантаж хотя и имеет сходство с имущественным принуждением посредством угрозы, но угроза ... совершенно отлична от той, которая служит средством имущественного вымогательства...» [28]. Вымогательство, по мнению Н.С. Таганцева, наиболее активного автора Проекта Уложения, осуществляется угрозой преступления, а при шантаже угроза зачастую не преступна и даже «похвальна (например, заявлением власти о преступном деянии)» [29]. Авторы Уложения относили вымогательство и шантаж к имущественным преступлениям.

Отнесение составителями Уголовного Уложения вымогательства и шантажа к имущественным преступлениям, констатация сходства их по способу совершения преступления и одновременно непризнание систематического родства составов этих преступлений представляется противоречивым.

Между тем, вымогательство отличалось от шантажа не только по объекту, но и по предмету. Последним является имущественное право, но не конкретно определенная вещь [30]. Размещенное в одном ряду с традиционно имущественными преступлениями (воровство, разбой), вымогательство было лишено характерного для них предмета посягательства – имущества. Другими словами, закреплено было вымогательство «обязательственное», но не «вещное». Впрочем, глава 32 (как и гл.34 «о шантаже») Уголовного Уложения после утверждения 22 марта 1903 года Николаем II так и не была введена в действие, поэтому реальная практика применения данной нормы отсутствует. Можно лишь предположить, что дальнейшая интерпретация состава этого преступления, его понимание, применение были бы неоднозначными в практическом и теоретическом отношениях.

Среди других значимых черт вымогательства и шантажа по Уложению 1903 года, непременно должны быть отмечены корыстная цель, умышленная вина, момент окончания преступных деяний: и вымогательство, и шантаж были сконструированы в рамках материального состава преступления; наказуемо было покушение, когда действительного перехода имущества (при шантаже) или права на имущество не произошло. С технической точки зрения, описание обоих деяний с помощью конструкции

«Принуждение к... посредством... с целью...» соответствовало практике европейских законодательств.

История развития норм о вымогательстве выявила следующие тенденции:

1). Предположительно, впервые ответственность за вымогательство в России была установлена Судебником 1497 года. Возникновение вымогательства связано с отдаленным, опосредованным средневековой судебной практикой, влиянием римского права. Впоследствии влияние нормативных моделей вымогательства, создаваемых в европейских государствах, проявлялось на всех этапах развития российского закона о вымогательстве.

2). По мере эволюции нормативной базы в составе вымогательства происходило постепенное смещение акцента с тех средств, которые использовались для принуждения лица к имущественным действиям, на поведение, нарушающее собственно имущественную сферу, как основной объект вымогательства.

3). Повышение качества регламентации и усиление ответственности за вымогательство наблюдались в периоды развития рыночных экономических отношений и усложнения гражданско-правовых связей. Напротив, во времена ограничения частной инициативы, сужения форм экономической активности нормы о вымогательстве почти не находили применения и устаревали, что наиболее заметно в последующей истории России. Таким образом, в новейшей истории России вымогательство не приобрело, а вновь проявило свою неразрывную связь с рыночной экономикой, а качественная регламентация его признаков – атрибутивную принадлежность к рыночному уголовному законодательству.

Литература

1. Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Части Общая и Особенная. Т. 1–2. СПб., 1865. С. 80, 83.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Пг.: Юрид. об-во при Петрогр. ун-те, 1916. С. 242.
3. Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высш. школа, 1981. С. 88.
4. Российское законодательство X–XX веков / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. Т. 2. С. 68.
5. Штамм С.И. Судебник 1497 года. М.: Госюриздат., 1955. С. 45–46.
6. Памятники русского права / Под ред. Л.В. Черепнина. М.: Госюриздат. 1955. Вып. III. С. 55, 62.

7. Судебники XV–XVI веков /Под общ. ред. Б.Д. Грекова. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 54–55.
8. Судебники XV–XVI веков. С. 166, 396.
9. Законодательные акты русского государства второй половины XVI–XVII века / Под ред. Н.Е. Носкова. Л.: Наука, 1986. С. 60.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая. М.: Наука, 1994. Т. I. С. 99.
11. Ябедничество в этой форме было отнесено Уложением к разряду гражданско–правовых деликтов (ст.ст. 18–19 Уложения 1649г.).
12. Соборное Уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л.: Наука, 1987. С. 209 – 210.
13. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII веков. М.: Юрист, 1995. С. 72–73.
14. Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 244.
15. Белогриц–Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев: Южнорусское кн–во Ф.А.Иогансона, 1903. С.429.
16. Белогриц–Котляревский Л.С. Указ. соч. С.430.
17. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 2. Преступления и проступки против собственности. СПб.: тип. В.П. Воленса, 1876. С. 635.
18. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. М.: тип. В.М. Сербина, 1909. С. 256.
19. Неклюдов Н.А. Указ. соч. С.632.
20. Неклюдов Н.А. Указ. соч. С.635, 644.
21. Белогриц–Котляревский Л.С. Указ. соч. С. 430.
22. Познышев С.В. Указ. соч. С. 253, 255.
23. Круглевский А.Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. СПб.: Типо–лит. С.–Петерб. одиночной тюрьмы, 1913. С. 236–237.
24. Щипилло А. Угрозы с вымогательством // Журнал Министерства юстиции. СПб, 1910. №1. С. 121–131.
25. Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права // Журнал Министерства юстиции, СПб., 1867. С. 615.
26. Неклюдов Н.А. Указ. соч. С. 644.
27. Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 245.
28. Таганцев Н.С. Уголовное Уложение 22 марта 1903 года. Рига, 1922. С. 1228.
29. Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 1229.
30. Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 590.